

Баир Жамбалов

**УЛОВИТЬ
неуловимое.
Путь мастера**

Баир Жамбалов

Уловить неуловимое. Путь мастера

«Издательские решения»

2015

Жамбалов Б. В.

Уловить неуловимое. Путь мастера / Б. В. Жамбалов —
«Издательские решения», 2015

Магией взгляда змея на расстоянии способна убить мелких грызунов, птиц. Когда-то великий айкидзин Коити Тохэй, ученик великого Морихэя Уэсибы – основателя айкидо, – говорил: «Есть много людей, которые тренируют тело, но лишь немногие тренируют свой мозг». Юный спортсмен постигает мастерство под руководством мудрого Учителя, познавшего иную тайну мозга, ступившего на иную ступень эволюции.

Уловить неуловимое. Путь мастера

Психологическая подготовка юного спортсмена под руководством мудрого Учителя – мастера единоборств

Баир Владимирович Жамбалов

© Баир Владимирович Жамбалов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Я всегда ждал, выжидал и выходил ей навстречу. Вот так и сейчас. Шёл медленно первый снег осени, кружась и падая, меняя всё в новый цвет. Я стоял перед широким полем, ровным как стол, где далеко, далеко на горизонте ровной чёрной линией обозначился лес, густой, непроходимый, лес из елей, пихт, осин, берёз, кустарников. Но крошечная тьма наступающей ночи скрывал такой горизонт. Я знал, что это ненадолго, ненадолго. Так и есть. Я знал. Я ждал, выжидал, и вышла она мне навстречу, как я и ожидал. Полная луна. Полная луна в просвете чёрных облаков. Бледный свет луны озарил всё вокруг, и тьма, тьма крошечная отступила назад. И унылость серого цвета воцарилась вокруг. Но взору открылся необыкновенно прекрасный вид снежинок с серебристым отливом, искрящихся, кружащихся медленно, плавно на фоне этого света полной луны. Как сказка!

Я стоял на пригорке перед широким, ровным как стол, полем, где уже обозначился впереди, при свете полной луны, горизонт, что был ровной линией лес, непроходимый лес. Я пойду туда, пойду через поле. Я буду ловить неуловимое.

Я был все эти годы одержим каким-то демоном. Я был фанат. И это, наверное, точно определяло мою сущность. Достичь того, что маячила передо мной путеводной звездой, что манил таким магнитом, словно железную стружку.

Зачем это мне? Для чего? У каждого своё. И всё это определяет мозг. Но душа ли?

Нет дыма без огня. Всё имеет свою предысторию. Когда же это началось? Наверное, тогда, как я считаю, когда я начинал активно заниматься спортом, выступать на различных соревнованиях. Физические данные были у меня не то, что выдающимися, но вполне исправными и даже отличного уровня. Так что на меня рассчитывали. И работоспособность, такое трудолюбие на тренировках, так же было на должном уровне. Вроде бы ничто не мешало мне выступить достойно на каком-нибудь соревновании. Но вот наступал сам турнир и тут-то начиналось вот это самое: волнение, мандраж и, главное, страх. Откуда он у меня брался? Выходил на поединки, на реальный бой, на реальную схватку с противником, а у самого поджилки так и трясутся, ноги как ватные. И всё. Проигрывал, проигрывал заведомо слабому противнику, который был намного нахрапистее меня, у которого глаза так и горели огнём. Какой же шквал критики обрушивался потом на меня? «Ты проиграл, потому что струсил. Будь понаглее, будь позлее! Понимаешь!» – так и надрывался тренер, обрушивая всю ярость на меня, готовый вот-вот убить. Я лишь покорно кивал головой. «Представь, что он убил твою семью!» – яростно шептал он мне в ухо, показывая пальцем на какого-нибудь очередного соперника. И я покорно кивал головой. Старался быстро представить это в гулкой атмосфере соревнований, но тщетно. «Да как он может убить мою семью? Такой же пацан, как и я». – невольно приходили такие мысли, мигом убивая, казалось бы, мой злоедейский настрой на противника. Но это оказалось лишь половиной моей беды. Не все соперники были такими уж зверями, с таким уж дьявольским настроем. И у них бывал мандраж. Но вот в таких, казалось бы, равных условиях я умудрялся, по мнению тренера, проигрывать. Другая половина беды заключалась в том, что во время поединка у меня

как-то напрочь исчезали навыки, сам набор техники, да и тактики, усвоенные, казалось бы, отточенные на тренировках. Стоило задуматься.

Да, вот такая неуверенность сильно мешала прогрессу в этом деле. Но, конечно, не всё было так уж плохо. Если попадался заведомо слабый соперник, то я его расщёлкивал как скорлупку, под самый орех. И всё же в моей юной спортивной карьере возникли проблемы, весьма серьёзные проблемы, которые я никак не мог решить.

Однажды к нам приехал родственник матери. Для чего не знаю, но он заглянул ко мне в комнату, чего за ним никогда не наблюдалось. В общем-то, я мало знал его. Родственник, да родственник, по материнской линии и всего лишь. Заглянул, да заглянул. Но не только. Он стал при этом рассматривать всё подряд. Такой тщедушный, такой невзрачный. Как только таких земля носит? И было мне, с кем сравнивать. На стене у меня висели цветные иллюстрации, откуда красовались статные атлеты и мастера единоборств на вроде великих Арнольда Шварцнегера, Жана-Клода Ван Дама, Чака Норриса и, конечно же, моего кумира Брюса Ли. А он-то как раз рассматривал эти иллюстрации.

– Это помогает? – вдруг ни с того ни сего спросил он.

– Что помогает? – спросил я вместо ответа недоуменно.

– А вот всё это? – кивком указал он на иллюстрации.

– В каком смысле?

– Да хотя бы в психологическом. Они своим видом должны укреплять дух. Я так понимаю. И я думаю, что надо постоянно смотреть на них и стараться быть похожим на них.

Я лишь пожал плечами. А он продолжил дальнейший осмотр моей комнаты. Остановился на этот раз на компьютере.

– В Интернет заходишь? – продолжил он расспрос.

– Захожу.

– А что там тебя интересует?

– Многое.

– А конкретно?

– Информацию ищу для рефератов.

– А-а. Это правильно. А как у тебя с учёбой?

– За четверть две четвёрки.

– Как я полагаю, остальные пятёрки.

– Правильно полагаете.

Мне его расспросы начинали порядком наедать, и потому ответил я немного нагло. Но он на это никакого внимания не обращал и продолжал рассматривать комнату, остановившись на этот раз на стеллаже с книгами.

– Книги читаешь?

– Читаю.

– Правильно. А то нынче всё компьютер да компьютер, кино всякое, музыка, тоже всякая. А книги – это хорошо, это правильно.

Я промолчал. Я действительно читал, и к чтению имел явное пристрастие. Но и компьютер, и кино, и музыка для меня имели тоже такое же значение. А он тем временем остановил свой любопытный взор на двухпудовке. Её подарил мне друг отца, как говорится, на будущее.

– Однако тебе это пока рановато. Вырастешь, поднимешь. – говорил он тихо-тихо.

– Конечно, подниму. – отвечал я немного с оттенком спесивости, желая как-то покончить с этими расспросами.

Он и на этот раз ничего не заметил. А меня уже начинало это раздражать: вот эти бесконечные, как мне казалось, расспросы, вот это рассматривание всего, и, главное, его такой тихий голос, больше похожий на звук маленьких живых существ. То ли дело голос моего тренера и других тренеров тоже. Он же продолжал смотреть на двухпудовку как баран на новые ворота.

«Кишка тонка поднять». – подумал я с таким злорадством. И какое-то чувство, может быть не брезгливости, но пренебрежения появилось у меня к этому родственнику по материнской линии. А он продолжал оставаться на этом же месте, будто прилип и продолжал разглядывать её словно музейный экспонат. И на что сдалась ему двухпудовка?

– Как понимаю я, тебе это пока рановато поднимать... – наконец-то пришёл он к этому выводу, который и так был очевиден.

– Ничего, скоро буду поднимать... – тут же я вставил слово с некоторым оттенком превосходства.

А он продолжал разглядывать сей спортивный снаряд. «О-о, смотри, смотри. Не поднимешь, пуп надорвёшь». – по инерции продолжали свой хоровод усмешек, насмешек, такого ехидства мои мысли. Прошло некоторое время вот такого разглядывания и дальше произошло то, что заставило меня даже привскочить с места с невероятно расширенными глазами и с таким же разинутым ртом. И было отчего!

Что было это? И как оно случилось? В мгновение ока он держал на вытянутой вперёд, а не вверх, руке двухпудовку. И, главное, рука при этом не дрожала. Не дрожала! Я знал в этом толк, разбирался, понимал это. Вот это да! Я был удивлён – не то слово. Я был шокирован. Шокирован! Вот это да!

Это была неожиданность, полная неожиданность. Пренебрежение испарилось, унеслось как дым на ветру, как будто и не было никогда. Я смотрел на это неожиданное чудо безотрывно. А он продолжал вот так держать не дрожащей рукой! И всё же при таком эмоциональном состоянии удивления от внимания моего, от заострённого внимания на данный момент, не ускользнули, так ярко выдвинувшиеся, толстые, словно литые из стали, сухожилия. И теперь я примечал, знал, что под рубашкой его притаилось тренированное, очень тренированное тело. Прошло время, и он бережно поставил её, двухпудовку на палас, будто была она из редкого горного хрусталя. О, это было удивление с моей стороны!

Он подошёл к столу, где его внимание привлекла почему-то монета с достоинством в пять рублей. И этот его интерес был так же вне моего понимания. А дальше произошло то, чего, возможно слышал, но никогда не видел. Он взял монету и подбросил вверх, высоко, да так, что она завертелась, замельтешила, будто заискрилась яркими рёбрами в таком неистовом вихре, и стала падать. Но на лету ловко он поймал её пальцами. Спросят, что в этом такого? Да ничего. Так может каждый. Но вот продолжение дальнейшего действия повергло меня в настоящий шок. И было отчего!

Пальцы его сжимали монету как мощный пресс. И она под силой, под такой невероятной силой, идущей из самых глубин духа в пальцы, сгибалась, как будто была сделана из пластилина. О, реальность, как наваждение! Но это было совсем не так, не так. Это была действительность, и при том самая настоящая, как есть. Я только что стал свидетелем большого, огромного, преогромнейшего чуда! И шок сдавил меня! И онемел язык! А он тем временем бросил деформированную, сложенную пополам монету на стол, и эта монета в таком виде для меня превосходила теперь своё достоинство в пять рублей, намного превосходила, превращаясь в бесценный сувенир, который можно показывать гостям, друзьям, знакомым. Но поверит ли кто? Когда и кто увидит такое представление?! Я не стану пассатижами стараться вернуть её в прежнее положение. Да и смогу ли я? И зачем? Бесценный сувенир, превращённый из монеты с достоинством в пять рублей, как неоспоримое свидетельство невероятной физической силы, исторгнувшуюся из самых глубин человеческого духа.

Теперь-то я готов был внимать каждому его слову, взглядом ловить каждое его движение. И он начал то, с чем пришёл. Но для начала зачем-то вышел из комнаты. Спустя время он вернулся, но с каким-то пакетом. Что находилось там внутри? Содержимое пакета не ввергло меня в шок, но всё же привело в состояние удивления. И тоже было отчего. На столе покоился

человеческий мозг... , конечно, не естественный, а такой пластмассовый макет. Но зачем? Для чего? В очередной раз я задавал себе вопрос, на что уже следовал ответ:

– Удивляешься? Да, это мозг, человеческий мозг. Вот здесь-то и зарыта собака. Мозг, именно мозг. Вот где начало начал, вот где источник всего и во всём. Он двигает нами, он правит. Но, ты должен знать это.

В ответ я лишь кивал головой, мол, проходили это мы на уроках анатомии.

– Так вот смотри. Вот это левое полушарие отвечает за логику, а вот это правое полушарие за образное мышление... – продолжал он для меня свой урок анатомии и физиологии. – А вот сзади, за полушариями, спрятался мозжечок. Отвечает за равновесие каждого человека и заодно координирует движение. Вот как раз для вас-то очень важно. Мозолистое тело, передняя часть, два полушария, задний мозг, варолиев мост, продолговатый мозг.

При этом перечислении он обстоятельно указывал местоположение каждого обозначения. На таком его уроке я ещё раз, но более обстоятельно познавал наш человеческий мозг.

– Забыл, совсем забыл. Вот это гипофиз. Так влияет на рост... – произносил он это почему-то с такой интонацией неуважения к нему что ли, чем немного опять же удивил меня, хотя к другим членам мозга был, лично по моему мнению, очень учтив, и даже почтителен.

При этом он лишь коснулся сего обозначения, притаившегося внизу, между двух полушарий.

– Вот тебе и макет нашего с тобой мозга. Всё ясненько, всё простенько.

Ну, конечно, извилины, извилины. Наверное, они обозначают количество и качество нашего с тобой ума. Ну, да ладно. Конечно, я перечислил далеко не все составляющие части нашего мозга. Но ведь ты же не студент медицинского института или же биолого-химического факультета.

Я всё так же соглашался с ним. Вряд ли я собирался становиться врачом, биологом, биохимиком. А он тем временем продолжал:

– Хорошо, что ты заходишь в Интернет, читаешь книги. Одним словом, легче объяснять. Только мне кажется, с работой правого полушария, с таким образным мышлением у тебя немного проблемы. Но попробую это как-нибудь исправить. Хотя, я могу ошибаться, вполне могу ошибаться. У читающего книги должно быть воображение и, при том, на хорошем уровне, а то и на высшем, очень богатом на красочные ассоциации. Но вот чтобы усилить нам с тобой эти ассоциации, нам надо бы съездить в одно место. Так что, завтра я еду к вам.

Я понимал, теперь понимал, что по просьбе моей матери он взялся за меня. И если так, то это удалось ему в полной мере. Так и стояли перед глазами его вытянутая рука с двухпудовкой; пальцы, сгибающие монету; вот эта демонстрация человеческого мозга. Но вот куда поедем завтра? И зачем? Почему? Оставив меня в таком неведении, словно окутавшись какой-то тайной он, можно сказать, после первого такого урока, что произвёл на меня должное, очень должное впечатление, удалился. И всё это имело место для размышлений. Вот с такими думами я и заснул.

***

Она вышла мне навстречу. В который раз. И обдала бледным светом всё вокруг. Всё так же падал снег. Медленно, очень медленно, как бы создавая сказку, сказку зимы. Но был это первый, непередаваемо прекрасный первый снег осени. Он покрывал и покрывал ровное как стол, поле серых трав, меняя и меняя всё в белый цвет. И эти снежинки серебристых отливов, искрящиеся на бледном свету полной, огромной луны, манили, создавали особенный фон. Я пойду, пойду через поле, где покроются серые травы снегом, первым снегом осени. А там, за этими снежинками, чёрной линией елей и пихт, осин и редких берёз будет ждать меня лес под названием Шибирь.

На следующий день он заехал к нам. Обычно, как я знаю, он к нам приезжал на роскошном «рено».

– Ну, давай, поехали. – резюмировал он просто и кратко.

Да и не надо было повторять. С утра я и думал только об этом, и больше ни о чём. Собрались быстро. Я никогда не ездил с ним на его «рено» и потому предвкушал эту поездку на такой красочной иномарке. Сяду, осмотрюсь, и под музыку, желательно под музыку моего поколения, помчусь, помчусь по улицам моего изумительного города, где с утра до ночи, с ночи до утра горят огни рекламы и светятся яркими цветами огромные экраны, приглашая, созывая, маня незаманчиво, а то и настойчиво в края такого изобилия, где только наслаждение и исполнение мечты, любой мечты. Улан-Удэ. Город любимый и родной.

Когда мы вышли, возле подъезда его «рено» не оказалось. «Угнали» – так и прыгнула во мне, в голове моей ужасная мысль.

– Пойдём на остановку. – предложил вот так просто мой родственник по материнской линии.

– А Вы на чём приехали? – спрашивал я ошарашенный, всё ещё ведомый инерцией воображения о поездке в мягком, роскошном авто.

– Как на чём? На трамвае.

– На трамвае? – удивлённо спрашивал я, продолжая оставаться под инерцией недавнего воображения.

– Но не на летающей же тарелке... – отвечал он мне с такой лёгкой усмешкой, что воображение моё быстро испарилось.

В трамвае я сразу же поспешил занять место у окна. Но к удивлению моему он почему-то пошёл в конец трамвая и встал у задних стёкол, опершись о поручни. Невольно я встал со своего места и в недоумении поплёлся туда, ибо мест свободных в трамвае хватало. На задней площадке кроме нас двоих никого не было. Трамвай иногда покачивало на поворотах, и это ощущалось сильно именно здесь, на задней площадке трамвая. Ехали мы молча.

– Вот так и было это на задней площадке трамвая. – первым нарушил тишину мой родственник.

– А что было? – тут же проявил я интерес потому, что он говорил, что он делал, было для меня интересно, теперь интересно.

– Вот так же ехал я на трамвае, на задней площадке пятнадцать лет назад. Тогда мне было за тридцать, далеко за тридцать, ближе к сорока. Но я тогда был в отличной форме.

Я тут, же, как бы оценивающе посмотрел на него, на его тело, скрытое под рубашкой, вспомнил вчерашнее чудо. Он и сейчас как боевой механизм.

– Да, я был в форме. – продолжал он. – Функционалка что надо. Тогда, как и сейчас, в трамвае народу было мало. На задней площадке кроме меня никого не было. Так вот, на одной остановке вошёл один парень, молодой, высокий, статный. Ну, вошёл, да вошёл. Он же, долго не раздумывая, устремился сюда, на заднюю площадку. Так и поехали мы дальше. «Спички есть у кого?» – громко спросил он, предположительно, у пассажиров, сидящих на задних местах. И знаешь, я никогда не курил, и не курю сейчас, да и тебе не советую. А тогда у меня, почему-то, в кармане были спички. Откуда? Как? Но были. Видимо брал для каких-то нужд, а потом забыл, и так они и остались в кармане. «Возьми парень». – тут же протянул я ему спички. Он обернулся. Кажется, теперь он заметил меня. Молча взял и прикурил. И тут до меня дошло, что курить в трамвае нельзя. Видимо, во мне, прежде всего, сыграл инстинкт помочь кому-нибудь, а уж потом включились мысли. «Да, ладно». – думаю я. Сам же предложил спички, теперь-то чего. А он, этот парень молодой, прикурил и стал возвращать спички. Я протянул ему руку ладонью вверх. Но спичек там не оказалось. Не дойдя нескольких сантиметров до пункта назначения, то есть до моей ладони, спички упали на пол. Не надо было объяснять, не надо было, потому что я понял сразу. Передо мной происходила демонстрация наглости,

но самой подлой наглости. Парень вместо благодарности уронил спички перед моей ладонью преднамеренно. И вот эта подлая наглость, вот эта гнилуха души продолжали свой торжественный танец. «Подними». — говорит он мне властно, очень властно. Говорит громко, что пассажиры на задних сидениях оглянулись. И до них тоже дошёл весь смысл вот этого действия. Может быть, парню этого и надо было. Устроить вот такой спектакль, где он главный герой. Ох, скудость, скудость ума. Куриные мозги...

Трамвай качнуло на повороте. Он замолчал весь в приливе воспоминаний. А мысли мои продолжали свой танец воображения. Память вновь оживила ту картину, когда он на вытянутой руке держал двухпудовку и при этом рука его не дрожала. Я видел вновь, как монета сгибается под его пальцами. Да, я живо представлял продолжение. И всё же я был в нетерпеливом ожидании рассказа того события, совсем неординарного события. И продолжение не замедлило себя ждать:

– Пассажиры на задних сидениях оглянулись. Они втягивались в роль зрителей. А этот молодой, высокий, статный парень, игравший в данный момент главную партию, мне отводил роль такого простачка, которого он утопит сейчас в самой грязной, вонючей луже. О-о, он был верхом на коне, на самой вершине. И загнала его туда собственная, наивная глупость и отсутствие опыта жизни. А он, этот опыт жизни ох как бывает нужен человеку.

– Я понимаю. А дальше что? – несомненно, согласившись с ним, я был весь в ожидании.

– Мельком я успел заметить, что у пассажиров начинают появляться нотки сочувствия ко мне. Но вмешиваться никто из них не собирался. Да и зачем.

Сойдут на своей остановке, и забудется этот мимолётный эпизод. Я же тем временем аккуратно пальцами прихватил его пиджак, лацкан пиджака и так же аккуратно придвинул его самодовольное лицо поближе. Он же сначала ничего не успел понять, осмыслить, а чуть позже он удивился и уже подумывал, что предпринять. Индюк думал, думал, да в суп попал. Я смотрел. Глаза в глаза. А затем я тихо сказал: «Выходим на первой остановке. Я найду место без свидетелей. Я оставлю тебя без глаз». Я говорил тихо, тихо. Пассажиры не слышали, он слышал. До его куриных мозгов дошло, сразу дошло то, что я сказал. Главный энергетический посыл, что исходил от моих глаз, а точнее от моего мозга через глаза, нёс информацию неотвратимости моего замысла. А это означало, несомненно означало то, что он осуществится. Подкреплялось это словами, что сказал я голосом тихим, но властным. Я не кричал, как кричат во многих случаях, а говорил тихо и убеждённо. И это тоже был посыл моего мозга, но слуховой посыл. Он, видимо, всегда хотел жить комфортно, уютно, удобно, даже чересчур, и он как можно, стал цепляться за любую возможность, чтобы жить вот так комфортно. В данные секунды он приобретал опыт жизни. О-о. Тут же нашлись у него всякие слова извинения. «Иди быстро, иди. Бегом беги». – говорил я тихо, тихо. Мой приказ он исполнил сразу. Быстрота была хорошей. Он мигом проскочил в середину вагона, чтобы никогда больше не видеть меня. А пассажиры очень удивились вот такой неожиданной метаморфозе. Это я видел. Это я чувствовал.

Трамвай покачивало на поворотах, что сильно отдавалось в конце. Я осматривал заднюю площадку, стараясь мысленно представить всё это. Да, финал оказался для меня неожиданным. Я понимал, что эффект такой был достигнут, прежде всего, нестандартностью поведения моего родственника. Голос, тихий голос, и взгляд.

– Да всё так. Это был чисто психологический момент. – неожиданно, словно угадав мои мысли, он прервал мои раздумья. – но был точно такой же случай, но только в электричке. Кстати, в том же году. Конечно, спичек там и помине не было. Но было то же самое отношение, такая же скудость ума, такие же куриные мозги, и такой же мой психологический приём, проведённый таким же способом, такими же словами, таким же взглядом глаза в глаза. Но я объясню потом, уже приехали.

Я никогда не был в этом районе города. И всё же я узнал его. Да, это был знаменитый квартал города, где никогда не будут гореть неоновые огни рекламы, где никогда не выставят

огромные экраны, где будет звучать музыка, сиять улыбки, само движение, идти, бежать, стремительно взлетать всё те же неугомонные силы вездесущей рекламы. Не будет здесь дышаться новизной, прогрессом города. Здесь будет так, как было всегда, и десять лет назад, и двадцать, и тридцать. Останутся доминировать всё те же серые цвета самих улиц, самих домов. Это был квартал, где я никогда не был, но знал. Он знаменит был, прежде всего, своей криминальностью. И отсюда, именно отсюда, выходили отличные спортсмены, чемпионы по видам единоборств.

Быть может, я удивился, но понимал, что это входит в его учебно-воспитательный план. Дать почувствовать мне сам воздух той атмосферы, где рождаются чемпионы, мастера единоборств. Так мы и шли среди серых, невзрачных, по большей части деревянных домов, которых в народе называют бараками. И как-то уныло стало мне на душе после пространства расцветающих, сияющих районов города. Тем временем родственник прервал молчание:

– В детстве, в пору отрочества, я с родителями приехал из маленькой деревни сюда. Конечно, сначала было разочарование, что переехали из красивой сельской местности далеко не в самую лучшую часть города. Вот на этих улицах и проходили мои первые университеты. И со временем, знаешь, я стал патриотом, истинным патриотом, в данном случае, этого квартала, нашего квартала, моего квартала. Много лет, очень много лет я не был здесь. Надо, нужно посещать родные места.

Он говорил весь погружённый в некую ностальгию. И я слушал, я смотрел, смотрел на него с уважением, с долей изрядного благоговения.

Мы подошли к какой-то закуской, такой же невзрачной, как и всё вокруг. Контингент посетителей вырисовывался отчётливо и красочно своим изъёмом координации естественного движения. При этом от них изрыгались такие слова, которые не сыщешь в каких-либо популярных словарях или в учебниках.

– Ты подожди здесь. Я подойду скоро. – и с такими словами он как-то быстро скрылся, испарился за ближайший угол, оставив меня в одиночестве любоваться достопримечательностями своего родного квартала.

Единственная такая достопримечательность, как эта закуская, похоже, всегда жила, дышала вот такой динамичной жизнью, каким предстала сейчас перед моим взором. До респектабельности посетителей дорогих ресторанов было, как до Луны пешком. Да и мысли такой здесь никогда не возникало. Никогда. Как есть, так есть.

Недолго пришлось любоваться мне красотами местного края. Сам воздух, само бытие данной местности живо напоминали мне, где я нахожусь. И это напоминание вылилось в скором времени в виде голоса грубого, вызывающе грубого, что раздался у меня за спиной: «Эй, добавь-ка сотню. Не хватает». Резкий скачок сердца было ответной реакцией на эти звуки явно угрожающего характера. Я так же резко обернулся. Передо мной стоял шкет, примерно моего возраста. Но действительность оказывалась в данный момент таковой, что был он не один. За его спиной ухмылялись рожи таких же отъявленных сорванцов как он.

У меня не просили, с меня требовали деньги с угрозой, при малейшем случае неповиновения, отобрать их. Такое происходило впервые в моей биографии. То, что я онемел, я испугался, я задрожал как лист осиновый на ветру, было очень близко к действительности. Но всё же мысль о том, почему я должен отдавать своё какому-то неизвестному шкету, которого видел впервые в жизни, выиграла, не утонула в пучине страха, а именно выиграла, подняв моё достоинство из мутной лужи робости, трусости, подчинения чужой воле, которое чуть было не разлилась по просторам моей души. И возникла между нами некоторая полемика, в которой я выразил своё явное нежелание расставаться с содержимым моего кошелька. И понимал я сейчас, прекрасно понимал, что не это в первую очередь заинтересовало их в постороннем, в чужаке их квартала.

Да, весь вид мой с головы до ног говорил, кричал, что я из уважаемых краёв, из благополучной, благополучившей семьи. Со мной никогда такого не было. Во мне в данный миг нарастала та волна, которой добивался от меня тренер, но не мог добиться, так и махнул рукой. Впервые передо мной стоял не противник, не соперник, а враг. И впервые у меня отнимали. И впервые у меня заклокотала жажда справедливости. И я знал, что тренировки, где закалялось моё тело и, в какой-то мере, оттачивались сами движения, не прошли даром. И на соревнованиях я выходил против ребят из этого квартала, где в большинстве случаев проигрывал, но ведь и выигрывал. Всё это выиграло во мне. Но и не только. И это я ощутил явственно, отчётливо. Недавний рассказ моего родственника, что слушал я очень внимательно, который пронзил меня насквозь, возымел таки действие.

Глаза в глаза. И увидел я в глазах этого шкета столько злости, кипящей злости, что немного опешил. Этот явно станет преступником, а не спортсменом, нормальным гражданином. Но что увидел он? Было ли это загадкой? Но что-то переменялось в нём, на какие-то доли секунды. Как уловил я это? Загадка. Загадка моей души, которая раньше меня не особенно интересовала. Но я уловил эту перемену. В такой эмоционально накалённый миг восприятие моё было заострено как никогда, словно тонкое лезвие бритвы.

На меня не падал взгляд хищника на жертву. На меня смотрели так, как смотрит враг на врага. И это было многое, если не всё. Значит, он увидел что-то в глазах моих. Но что?

В этот заострённый до предела миг, в доли секунды узнал я, что глаза мои передали то, что заклокотало, забурлило у меня где-то изнутри, из каких-то далёких глубин, которых я не знал, не подозревал. Он увидел это и переменялся. В доли секунды. И этого хватило. И это был шанс, шанс для меня.

– Один на один. Или тебе не катит... – и это говорил я, сын интеллигентных родителей.

К тому же добавил я несколько хороших слов, не входящих ни в какие популярные словари, ни в какие учебники. Откуда у меня это? Я сам себя не узнавал. И вдруг, в такой нестандартный момент моей жизни мелькнула, на миг мелькнула мысль, но засела прочно в моём мозгу, в моём сердце. То был феномен его недавнего рассказа. Стоит захотеть и можно преодолеть, всё преодолеть. Не мог он отказаться от выхода один на один. Откажешься и в миг потеряешь всякое уважение к себе в этом квартале. Но знал он, знал гадёныш, что в случае проигрыша, они мне всё равно насуют по самую покрывку.

Встали в боевую стойку. Но ведь стоял передо мной далеко не тот, далеко не из тех, кто противостоял мне на соревнованиях. То были бойцы, у которых была мечта, у которых было стремление к лучшей, достойной жизни через спорт, именно через спорт. То были лучшие парни этого квартала, а не то что этот гадёныш, у которого поднимается дух только при численном превосходстве. «Да я тебя отделаю сейчас в твоём же родном квартале, в твоих же родных местах, на глазах твоих же друзей, таких же гадёнышей как ты. А дальше будь, что будет. Пусть избыют, отметелят толпой, но буду стоять насмерть, драться, пока движется хоть один мускул». – целое выражение мыслей, как выражение духа в этот заострённый миг, словно молнией пронёсся в мозгу моём как щит, как меч.

Драка была короткой. Психологический настрой, чего так тщетно добивался от меня на соревнованиях тренер, проявился во всей красе, во всём блеске. И понимал я, впервые понимал, что в этом эмоциональном проявлении есть красота. Своя особенная красота! Я дрался, как будто отработал свою лучшую тренировку, где всё получалось в высшей гармонии, но почему-то шёл в разлад с гармонией на соревнованиях. Как жаль, что это не финал какого-нибудь турнира, а то быть бы мне чемпионом. Но понимал я всей сущностью своей, что драка эта, что победа в ней важна мне, дорога мне любого финала любого турнира. Это была победа не только над этим гадёнышем, это была победа над собой, именно над собой, над прежним разломом души. Это было возрождение нового духа. И это многое значило, если не всё.

Теперь же наставала минута, когда я буду жестоко избит толпой. Я слышал, что такое избиение иногда доходило до летального исхода. Но во мне сейчас бурлила такая эйфория души, затмившая рассудок, что я приготовился к драке против всех не на жизнь, а на смерть.

Парни этого квартала, парни моего поколения молча посмотрели на своего поверженного в честной драке товарища, молча посмотрели на меня, и молча повернулись, и пошли своей дорогой. В глазах их не было какого-либо восхищения от моего мастерства, ведь всё-таки я был, пусть начинающим, но действующим атлетом единоборства. Нет, в глазах их было другое, совсем другое, что заставило меня уважать их, искренне уважать их. В глазах их я прочитал понимание справедливости. И в этом была истина! О, квартал! Вот почему отсюда столько чемпионов! Здесь ценили силу, по настоящему, по-мужски. Конечно, в любом стаде заведётся хоть одна паршивая овца в виде этого гадёныша, который в дорожной пыли только, только приходил в себя.

Не прошло и минуты, как появился мой родственник. Откуда пришёл? Но мне показалось, что он никуда и не уходил. Истина была рядом. Но не успели мы отойти на несколько шагов, как услышали голос за спиной явно агрессивного тона: «Эй, куда пошли. Поговорить надо». Обернулся я резко, но родственник мой не обернулся, хотя остановил свой ход. В нескольких метрах от нас стоял молодой, но взрослый парень. Но поразил меня, сразу и прежде всего, его размер, его габариты. Да, это был бугай, так бугай. Грубая физическая сила, без всякого на то проявления, так и пёрла из него, говорила за себя, кричала за себя во весь голос. И не надо было иметь намётанный взгляд какого-нибудь опытного тренера, чтобы не убедиться в этом.

Зевак собралось много. Толпа любопытствующих образовалась тогда, когда я выходил один на один. Всегда бывает так, а во времена массовой безработицы тем более. Для них устраивалось бесплатное зрелище. Одно из них только что устроил я. Но одно дело я, подросток, другое дело, когда такое устраивали взрослые, и при том один из них далеко не в молодом, скорее в почтенном возрасте.

Молодой против старого. Высоченный, здоровенный бугай против тщедушного, можно сказать, пожилого человека среднего роста, но такого уж миниатюрного по сравнению с оппонентом. Я только что одержавший убедительную победу и находившийся на вершине эйфории, стал понемногу беспокоиться. Но, всё же, любопытство брало верх над любым волнением, ибо я знал возможности своего родственника. Но никто из любопытствующей толпы, из вечной породы зевак, что была и будет во все времена, не знал ничего про моего родственника.

– Да, это же он, помнишь, помнишь... – услышал я в этой толпе вот этот возглас, несомненно относящийся к моему родственнику, именно к нему, ибо произнесено было при этом его имя.

Взгляд свой я устремил в сторону этого возгласа. В толпе зевак образовалась небольшая кучка мужиков более старшего возраста, нежели остальные. Его узнали, его помнили, помнили. Но как? Ответ не замедлил сказаться.

– Вот сейчас будет... – как-то смачно приговаривал один мужичок, явно предвкушая зрелище, по которому соскучился, которого давно не было и не будет больше, которое по захватывающему сценарию своему стоит намного выше остальных.

– Точно, точно... – поддакивал ему другой.

– Жалко этого парня, жалко... – продолжал третий.

– Молодой, молодой, неопытный. Не знает, куда встрял... – подытоживал четвёртый.

Эта небольшая кучка возрастных мужиков уже заранее отдавала пальму первенства моему родственнику. Видать, не один я знал возможности моего родственника. Его знают, его помнят. Это меня обнадёживало. Но всё, же, по настроению толпы было видно, что абсолютное большинство, состоящее, в основном, из подростков, юношей и мужиков более молодого возраста, придерживалось диаметрально противоположного мнения. Ну что ж, другие времена,

совсем другие времена. От этих примечаний любопытство моё возросло в разы, так же как возрастал и сам ажиотаж вокруг этого события, неординарного события. Чем-то это стало напоминать мне древнеримский Колизей.

Стоял в боевой стойке этот здоровенный бугай, готовый порвать, разрушить, растерзать, растоптать всё на своём пути. И пять метров разделяли его от цели, которую он сейчас раздавит, будто яичную скорлупу. И этой целью, этой мишенью был мой родственник.

И стоял, просто так стоял мой родственник, чуть приспущены веки, и задумчивое лицо от дум, лишь ведомых ему, и не шелохнётся тело, застывшее в молчании, как одинокое дерево посреди поля, огромного поля.

И наступила тишина. Но перед чем?

И приподнял он веки, и что видел я в глазах его, и что видели все в глазах его, глубоких, бездонных, откуда слабым светом вырывался огонь чего-то, но усиливался, усиливался, обжигая всё вокруг.

Что-то приближалось. Но что?

Чувствовал я, чувствовала толпа в этой обманчивой, затаившейся тишине.

Я никогда не видел такое, даже не припомню в фильмах.

Мой родственник повернулся быстро. Начало было, как старт лучших спринтеров мира. В доли секунды он сократил, преодолел дистанцию в пять метров, оказавшись перед соперником, перед этой высокой, здоровенной целью, мишенью. Но это было только начало. А дальше было то, что повергло меня и всю толпу в шок изумления. Он забежал на соперника, как забегают по трапу самолёта. Ногой ступил на голову, на самую макушку и оттолкнулся. Оттолкнулся и в воздухе сделал сальто. Возглас изумления невольно прокатился над толпой.

Он находился, он стоял позади соперника, успев мгновенно развернуться при приземлении. Это было начало поражения здоровенного бугая. Теперь никто, никто в толпе не сомневался в этом. Все, буквально все почувствовали приближение истины.

Стоило, наверное, стоило этому здоровенному бугаю отказаться от боя и принести извинения мужику более старшего возраста. Но инерция мышления, да и сама ставка на свою силу, грубую силу, данную от рождения, да и вдобавок сам его куриный интеллект толкали его на продолжение боя. А ведь ему тоже противостояла сила, сила сгибающая монету. Никто в толпе этого не знал кроме меня. Но и не только сила. На глазах у всей толпы были продемонстрированы невероятные резкость, быстрота и ловкость, что разом перевесили чашу весов в одну сторону, с чем и было согласно абсолютное большинство, а точнее все.

Здоровенный бугай медленно, кажется, в каком-то недоумении развернулся к сопернику, который вихрем проскочил, перескочил через него. Бой, небывалый, неординарный, необыкновенный бой продолжался. Что было дальше? Порыв ветра? Обдал холодом свежести и исчез? Проблеск огненного блика во тьме? Блеснул сиянием во тьме и исчез. Мгновенное видение? И исчез, и только загадка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.